

18+

Кирилл Леонидов

Пражский

осенний

ветер

Кирилл Леонидов Пражский осенний ветер. Повесть-драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611937

ISBN 9785448538834

Аннотация

Сюжет повести может остаться фантазией, а может превратиться в реальность. Ближайшие события покажут, как произойдет на самом деле. Но уже сейчас, на наших глазах разворачивается действие, где каждому будет дано стать героем или антигероем, сохранить достоинство и честь либо потерять их безвозвратно. Выбор за каждым. Книга содержит нецензурную брань.

Пражский осенний ветер

Повесть-драма

Кирилл Леонидов

Иллюстратор Платон Сарадаев

Корректор Ольга Сокуренко

Редактор Лариса Митрохина

© Кирилл Леонидов, 2020

© Платон Сарадаев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-3883-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двое мужчин на заднем сиденье автомобиля молчат и задумчиво рассматривают проносящуюся мимо осеннюю Прагу. Осень поздняя. Середина дня. По радио на английском языке объявляют погоду на завтра. Будет пасмурнее и прохладнее. А сейчас – золото деревьев и особая пронзительная синева неба. Удивительное сочетание. Это такие моменты, когда действительно больше хочется молчать, отрешенно отслеживая взглядом, как летит с веток листва, движутся облака, быстро меняя формы. Растворяются бесследно. Еще

несколько минут назад клубящиеся и полупрозрачные, а теперь уже и нет ничего вообще, только высь бездонная...

– Всегда мечтал сюда приехать, – произнес восхищенно сидевший рядом с водителем третий пассажир, молодежавый и подтянутый.

Щурясь от солнца, он достал из внутреннего кармана пальто и надел темные очки:

– Кто бы мог подумать, что сбудется?

– Точно. Никто... – ответил сзади тот, что был покрупнее, круглое его лицо выражало усталость и раздражение.

– Это сарказм, Глеб? – пассажир впереди растянул губы в показной улыбке и картинно повел очками в сторону собеседника.

Пассажир сзади, однако, был явно не в настроении:

– Конечно. Когда нет давно оргазма, остается только сарказм. Уже изучил новое слово? Правильно используешь свалившееся на голову свободное время.

– Ерунду какую-то говоришь. У меня, кстати, высшее образование... Только не по профилю все вышло.

– С той поры много воды утекло, Витя... Теперь уж кажется, что целую жизнь мы с тобой только не по профилю и работали. Спорт, бизнес, политика, война – все не по профилю... Как Рогожин Ванька. Тот тоже был учителем, стал нефтяных вышек строителем.

Глеб повернулся к рядом сидевшему, невысокому и коренастому с большими залысинами светловолосому мужчине,

внимательно заглядывая в глаза, спросил:

– Ты как?

– Никак.

– Голова не болит?

– Нет.

Глебу не понравились его односложные ответы, он тяжело вздохнул и снова начал разглядывать пробегающие мимо здания с красными крышами. Их праздничность и спокойствие не могли унять тревоги. Как-то равновесие жизни за окном не соответствовало тому аду, из которого они только что вырвались...

– Подъехали почти, – с акцентом сообщил русскоязычный таксист.

– Район «Новое место»? – спросил Виктор, сканируя пространство взглядом направо и налево. В его глубоко посаженных маленьких глазах возникло напряжение, он преобразился мгновенно.

– Да-да, «Нове место», – подтвердил водитель.

Глеб наклонился к нему:

– Нам к тому дому, я говорил вам «У черной розы»...

– На Пришикопе двенадцать, вот он, я помню.

Таксист показал головой в направлении четырехэтажного дома с высокими окнами и вырулил на стоянку рядом.

Когда проезд был оплачен, и почти все уже вышли из салона, последним оказался Глеб. Таксист нерешительно, не понимая еще до конца, правильно ли поступает, спросил:

– Как там... у вас?

Глеб хмыкнул, но ничего не ответил, ладони в карманах куртки невольно сжались в кулаки, он лишь сказал сдержанно:

– Вы подождите здесь, мы оплатим за ожидание.

– Хорошо.

Таксист посмотрел вслед Глебу, уже жалея, что позволил себе вольно обратиться. У них сейчас так все сложно, и надо быть внимательнее в общении. Еще вчера он возил беглецов из одного лагеря, а сегодня... кто знает?

Виктор остался в коридоре небольшой частной психиатрической клиники, а Глеб со своим немногословным другом вошли в кабинет врача-психотерапевта, Яна Горака (лучшего специалиста в Праге, между прочим).

– Я слушаю вас, – произнес без акцента по-русски Горак, в ожидании разглядывая своих посетителей, но те как-то странно начали препираться между собой.

– Андрей, пройди, сядь вон там.

– Пойдем отсюда.

– Мы пришли к врачу, нам надо кое-что выяснить о твоём здоровье.

– Пойдем отсюда, прошу...

– Мы никуда не двинемся, пока не получим от доктора ответы на некоторые вопросы. Потерпи пятнадцать минут.

Андрей сел, наконец, напротив врача, но при этом равнодушно смотрел перед собой.

– Глеб Ронберг, – представился Глеб. – А это мой друг, Андрей Дашкевич, у него с головой что-то стало... Вот его паспорт. Мы по рекомендации профессора Галямова. У нашего друга частичная амнезия. Он не помнит события ближайшего прошлого.

– Ян Горак, психотерапевт.

Врач обратился к Дашкевичу.

– Как вас зовут?

Андрей усмехнулся:

– Меня только что представили по документам.

– Очень хорошо. Но все же, назовитесь снова, если не трудно.

– Дашкевич Андрей Аркадьевич.

– Расскажите коротко свою биографию. Как если бы заполняли какую-нибудь анкету. Очень коротко, но с самого начала.

Андрей рассказал предельно сжатую версию, врач изучил его паспорт, медицинскую карту, страховку, потом попросил лечь на кушетку, осмотрел глаза, измерил глазное давление, спросил вдруг:

– Где ваш дом?

– Не знаю.

– Где ночевали последний раз?

– Вот у него... – Андрей показал на Ронберга.

– Это правда? – Горак вопросительно посмотрел на того.

– Нет. Он ночевал на даче, но не у меня.

– То есть, в другом месте?

– Да, в другом.

– Вы действительно убеждены, что ночевали у вашего знакомого?

– Не знаю, возможно, или в другом месте, в общем... действительно не помню.

– Нам надо разобраться, что происходит, а вы сознательно вводите в заблуждение. Или нет? Или просто говорите так, как кажется вам в первый момент?

– Да, мне так кажется.

Дальше последовали еще вопросы из бытовых подробностей жизни Андрея сначала в последние сутки, потом дальше и дальше назад по времени. Он ничего вспомнить не смог, кроме одного:

– Я был женат, развелся.

– Как зовут вашу бывшую жену?

– Не помню.

– Дети есть?

– Не помню.

– В какой стране находитесь?

– В Чехии.

– Какое сейчас время суток?

– День.

– Месяц, число?

– Двадцатое октября.

– Где находитесь?

– В клинике у психиатра.

– Сколько сейчас времени?

– Где-то около трех часов...

Горак замерил артериальное давление.

– Посидите в коридоре.

Андрей вышел в коридор. Ронберга чех попросил остаться.

– Скажите, он оперировался?

– Было. Пластика...

– Очень серьезная пластика. С лицом, как я понимаю...

– Ну, там... поколдовали. Но это конфиденциально, доктор. Не могу, поймите, раскрывать личные секреты.

– Ботокс применяли раньше?

– Тоже было дело.

– Сколько раз?

– Несколько.

– Была необходимость?

– Была.

– Наверно, артист...

– Вроде того...

– Стрессы?

– Что?

– Стрессы, травмы?

– Стрессы – конечно. У него работа хлопотная. Да и откуда мы приехали, сами понимаете, телевизор смотрите, радость не привезешь.

– Может, падал, ударялся головой?

– Да нет, довели в целости и сохранности, как будто.

– Когда заметили у него потерю памяти?

– Еще дома. Голова, сказал, болит, и не помнит ничего...

– Что непосредственно было в момент, когда заболела голова, или предшествовало этому?

– Да ничего. Ехали в машине.

– Вы можете его оставить в клинике для обследования?

Нужна томография. И... еще гипноз. Неглубокий, все будет достаточно бережно, сеанс проведу я сам.

Доктор выдержал паузу и увидел, как в испуге заморгали глаза Ронберга.

– Господин Горак, мы проездом, так мало времени... Пожалуй, это излишне. Вы предварительный диагноз поставьте, таблетки на улучшение памяти поьем, может, пробьет?

– В таком состоянии вашего друга оставлять опасно. Мало ли, а если все трансформируется в более тяжелую форму, например, начнется шизофренический бред? В самолете, в автомобиле, поезде, на улице, где угодно.

– Что, так все серьезно?

Горак задумался, начиная подозревать, что провожатые не особенно горят желанием знакомить врача с пациентом... Не ответив на вопрос, он заговорил о другом:

– Буду с вами предельно откровенен. Я не знаю, уважаемый, откуда вы, чем занимаетесь, каковы ваши намерения, но из уважения к профессору Галямову готов помочь, мно-

гим обязан ему. Поэтому не хочется ситуацию упрощать: если с вашим Андреем случится проблема в дороге, могут отправить в больницу экстренно. А там уже как получится. Так что давайте обследоваться и лечиться сейчас у нас.

– А... вы готовы обеспечить конфиденциальность?

– Пока да. Если поступят соответствующие запросы, не знаю.

– Сколько потребуется времени?

– На обследование два дня минимум или чуть больше – три, четыре. Лечение амнезии, если такой диагноз подтвердится, в среднем составит до месяца. Больной может находиться на дневном стационаре. Есть отдельная палата за отдельные деньги. Устроит?

– Так и сделаем. В случае чего предупредите, чтобы мы сразу же уехали?

– Да, только сразу. Или сообщу в полицию.

– Понял... И последнее. Мой друг, еще один, тот, что в коридоре, может быть сопровождающим больного? Мало ли, присмотреть в палате. Мы заплатим за все, и за его пребывание тоже... Сколько там по вашему прайсу?

– Хорошо, – согласился Горак, отдал ему прайс. – Если наши условия, в том числе и цена, устроят, приходите завтра с утра. Сегодня у меня возможности принять нет. Надо привести в порядок палату, и у меня еще пациенты.

В «Гранд Отеле Европа» в этом же районе Праги Ронбергу и компании разместиться не удалось, поселились рядом, в примыкающем к нему отеле «Меран». Оба они являются практически одним зданием, только отель «Меран» другого цвета, отличается по архитектуре – прост и неприметен, в отличие от пафосного Гранд Отеля. Здание «Мерана» более узкое, то есть меньше и по площади. А, главное, цены здесь ниже, что с удовлетворением отметил Ронберг. Приходилось теперь и ценами интересоваться. И кому? Ему, Ронбергу, который еще пару недель назад был способен купить... В общем, много чего мог купить. Невероятно много.

Номера вполне функциональны. В одном устроился сам Глеб, в другом, рядом – Андрей и Виктор, выполнявший функции и охранника, и непосредственно сопровождающего. Ронберг, умывшись, тут же зашел к соседям, удовлетворенно сказал:

– Неплохо здесь. Люблю Европу: ничего лишнего, все по делу. Как мыслят, так и живут. Вот и нам надо было... Да, Андрей Аркадьевич?

Андрей не ответил.

– Если все рационально – значит, по справедливости. На всех делить, ага? Чего ж не поделился? – язвительно заметил Виктор. – Мы бы сейчас не бегали. Включи, пожалуй-

ста (показал пальцем на телевизор).

– Нет, Солод, рационально – это не всегда по справедливости. Ничего ты не понимаешь, это чаще как раз наоборот, – возразил Ронберг. – И телек не включу. Нам на спортивных сборах тренера не разрешали смотреть соревнования в период участия. Чтобы излишне не горели, не истерили... Сегодня я в роли тренера. Разбирайте-ка лучше чемоданы, займитесь делом. Но только не полностью, самое основное достаньте. Мало ли... И прослушку с видео проверь. А насчет дележа, вот что еще скажу: я сделал себя сам. Это мое у меня отбирают, мое! Налоги платил? Платил. Занимал и дарил по первому зову, построил вообще все, что только можно... и что нельзя.

– Ну да... сделали себя сами. А потом нас сделали. Кто бы мог подумать...

Виктор поднялся с кровати, приступил к разбору чемоданов, профессиональным взглядом начиная присматриваться к помещению.

Андрей лежал на диване, не снимая туфель, с закрытыми глазами. Он действительно многое или почти ничего о себе не помнил из прошлого. Все это невыносимо. Чужой самому себе, нет ничего позади, ничего впереди. Есть чемодан, рубашка, зубная паста, зубная щетка и какой-то отель. Люди рядом. Ему известно, кто они только с их слов. Доверия не может быть ни к ним, ни к себе. Он боится всего, что его окружает, во власти ситуации и этих персонажей. Плен, ина-

че не назовешь. Формально можно уйти куда угодно. Но ... нюанс – неизвестно куда, неизвестно зачем...

Ронберг вернулся в свой номер, умылся, переоделся, и с замиранием сердца включил телевизор. Раз канал, два канал, три канал, четыре, пять, шесть, про дела российские ни слова... Вот, западенцы, живут и наплевать им... Лотереи, шоу, скачки, мелодрамы, футбол. Весь Стокгольм ополчился на барсука, убившего кошку. Исландский президент заявил, что если мог бы, то запретил добавлять ананасы в пиццу. Об этом сообщает CNN.

Политик сделал такое признание во время встречи со школьниками из городка Акюрейри. Известие о нелюбви президента к ананасам вызвало бурную реакцию у жителей Исландии. Президент был вынужден вернуться к теме и разъяснить свою позицию. Новостной канал на чешском... А вот и на английском есть. Так. Даже с его знанием языка кое-что понять можно: «Комитет национального спасения... формирует временное коалиционное правительство из оппозиционных ранее политиков, обращается также к мировому сообществу отнестись с пониманием к закрытию границы на два месяца...»

Ронберг выключил телевизор и тихо застонал. Он физически ощутил падение в пропасть. Боль, физическая боль судорогой стянула тело, аж, заскрипел зубами от отчаяния, про себя ругался, умолял, требовал, объяснял и убеждал, угрожал, оскорблял. После бурных внутренних эмоций заплакал,

закрыв глаза ладонью и сжимая пальцами виски, растирая по лицу позорную соленую влагу.

Минут через пятнадцать после такой непозволительной слабости позвонил Виктору: «Зайди-ка, друг, надо парой слов обмолвиться». Когда Виктор зашел, он был поражен: лицо Ронберга было бледное, как стена.

– Тебе плохо, что ли? В аптеку сгонять?

– Аптека не поможет... Душа болит.

– У тебя есть душа?

Ронберг отреагировал на шутку Виктора недружелюбным взглядом исподлобья, но взял себя в руки, заметив только:

– Еще недавно для тебя святым был.

Затем продолжил:

– Хочу попросить вот о чем... Упроси доктора присутствовать на процедуре, заключение по результатам томографии обязательно возьми. Нам важно понять, в каком Андрей состоянии. Может и лучше, если ничего не помнит...

– Как? А если пластику надо будет... обратно?

– Прежний вид сделаем, только если вернется память. Так смысла нет.

– Ну, почему, просто показать можно лицо где-нибудь мельком, заявления подписать какие-нибудь на камеру: «Живой, настоящий, легитимный та-ра-ра заявляет» там и всякое такое.

– Я же говорю, могут быть другие варианты!

– Другие в смысле...

– Другие – значит другие! В общем, нам завтра в банк надо деньги снять. Могут заблокировать счета.

– У нас же на подставного?

– Ну и что! Ты можешь спрогнозировать, что завтра? Вот-вот начнут отматывать назад и получают санкции Интерпола. Эта мерзота самозванная пусть орет, сколько хочет, но если подключится Интерпол, тут – все... Про Балчугина слышал? Ну, этого, деятеля, распорядителя счетов по Кипру? Грохнули вчера. Прямо дома. И это не я. Наоборот, с собой хотел забрать, не успел. Позвони Руслану. Давно должен был прилететь с людьми и что-то не торопится.

– Я говорил с ним только что.

– Ну и?

– Не прилетит. Сказал, что позднее.

– Когда позднее? Они хотят закрыть границу!

– Сказал, что дела республики сейчас для него важнее.

Все остальное потом.

Глеб аж застыл, пораженный услышанным. В это время за окном раздались хлопки. Оба тут же пригнулись как по команде, Виктор подскочил к окну, выдохнул:

– Петарды... Кому расскажи, это ж анекдот готовый: Солюд перепутал петарду с тротилом! Андрей в банке нам нужен?

– Нет, закрой в номере, пусть отдохнет. Оставлять одного надолго, конечно, тоже нельзя...

Они все же так и поступили. Дашкевич был закрыт

на ключ, с ним особо никто не разговаривал, поскольку показалось, что заснул. Но на самом деле Андрей не спал...

...Появление Глеба и Виктора произвело на человека, к которому ехали, как они и рассчитывали, впечатление убийственное. Он, владелец счета и хранитель денег, конечно, предполагал, что рано или поздно они приедут. Но одно дело понимать, что за деньгами когда-нибудь все-таки могут явиться, мучиться при этом ожиданием и страхом, надеясь втайне на благополучный исход, то есть на внезапное исчезновение претендентов раз и навсегда из его жизни, а другое – с горечью точно убедиться: вот они, прорвались-таки через кордоны... Зрачки его нервно дергались, речь сбивалась, когда приветствовал старых партнеров, даже в первый момент замерло дыхание, как от внезапного удара по корпусу. Юрий Колямин, когда-то давно бывший мясником, а потом профессиональным боксером со стажем, знал, как убивают животное и разделявают мясо с привычным спокойствием, как можно потерять ориентир на ринге, оказавшись в нокауте. Имел он много лет назад авторитетный статус и другого «узкого специалиста», профессионально умело сующего чью-нибудь голову бедовую сильной рукой в воду и держащего там за волосы до тех пор, пока хозяин головы не запросит пощады и не расскажет все, что от него хотят услышать. Бывали и такие приключения. Жизнь ставила перед ним много вопросов. Он предпочел ответить не на все.

– Список в Форбсе видел? – начал неожиданно (так было

задумано) разговор Виктор Солод, обращаясь к нему.

– В смысле?

– Ты на сотом месте, молодец, «Юра – нефтянка».

– Нет, не видел, но слышал. Спасибо за комплимент.

– Это не комплимент, это предьява.

– Не понял...

– Отец твой умер в прошлом году.

– Знаю. И что?

– Знаешь ты... Старик помер без копейки, в доме-развалюхе, потолок валился на голову, ни газа, ни воды. Что ж, ты, сынуля? У тебя ж зеленые из задницы торчат! Сейчас на родине только ленивый журналист не пишет про Юрку Колямина, когда-то оборванца из деревни Большая Херота, а теперь нефтяного барона, друга самого... Все кричат «распни»: и «нацики», и либералы. Считают, что вы с «ним» полстраны растащили. Ищут. Очень ищут. Американцы обещали содействие.

– Давай без этого... В чем проблема?

– Вопрос о процентах по фирме «Глэдис» за посредничество. «Он» свое так и не получил.

– Пусть и предьявляет. Жив?

– А то. И предьявит, будь уверен. Вы же друзья по жизни, а друзей кидать – последнее дело. Да и мне ты еще должен. Помнишь? Голову бы отрезали, если б не Руслан и не я...

В разговор торопливо включился Ронберг:

– Это Виктор так... говорит, разберетесь потом. Нам сроч-

но нужны деньги. Наличными. Полностью все – и депозит закрываем.

– Я завтра уезжаю на сделку.

– Это завтра. А мы их сегодня снимем.

– Тогда надо бы прямо сейчас ехать. Деньги заказать – тоже время займет. У меня дела еще...

– Позвони, закажи. И двигаем сейчас. Подождем там, если что, сколько надо.

Колямин пожал плечами со сдержанным недовольством, полез в карман за телефоном. Когда беседа с менеджером банка закончилась, и все было оговорено, он, опустив глаза, спросил:

– А как там... вообще?

– Где? – не понял Солод.

– Дома...

Солод усмехнулся:

– Стреляют вообще.

– Отца сами видели живого?

– Нет. Журналисты посещали. В интернете написали потом.

– Про меня ничего не говорил?

– Говорил, что претензий нет, что ты классный, заботливый сын и деньги шлешь регулярно.

Колямин с усилием сглотнул и опустил голову.

На улице вечерело, в номере полумрак. Дашкевич все валялся на кровати, не пытаясь подняться и зажечь свет. В нем постепенно что-то оживало, и он понимал, что это «что-то» – трепетно-хрупкая, ускользающая память. Малейшее усилие двинуться ей навстречу приводило снова к провалу, темноте и пустоте. Вот опять в какой-то момент память стала проясняться. Андрей изо всех сил попытался зацепиться за этот спасательный круг. Он увидел лицо женщины: красивое лицо, умные глаза и небольшие морщинки под ними. Едва-едва видны... Он знает ее, знает давно, в ее глазах сейчас почему-то неприязнь к нему и отчуждение. Он хочет протянуть ей руку и сказать что-то утешающее, но она холодна, губы сомкнуты. Нет, это не неприязнь, это ненависть жертвы, готовой к сопротивлению. Картинка сменилась, теперь его о чем-то спрашивают, вокруг множество людей, обращаются к нему уважительно, он что-то уверенно отвечает, поправляя наушник, слушая текст переводчика, но... к нему обращаются как к другому человеку. Он напрягается изо всех сил, чтобы вспомнить то самое имя, которым его называли в другой жизни, но вспомнить не может. Ощущение раздвоенности не покидает. Перед глазами летает шарик для настольного тенниса, стучит по столу все громче, становится невыносимо слышать этот звук. Он как метроном: тик-так! Бара-

банные перепонки с трудом выдерживают. Тик-так! Тик-так! Будь он проклят! Увы, образы прошлого начали растворяться, исчезли вовсе, только пластмассовый шарик еще бьется о теннисный стол. Вот те раз... Он так пестовал эти первые свои картинки, он успел уже поверить, что процесс восстановления пошел и необратим...

Наконец, встал, подошел к окну, посмотрел вниз на дорогу, по которой тянулась вереница машин. В окна постучали порывы сильного ветра глуховатыми ударами. Молодые деревья изрядно мотало. Да еще моросил небольшой дождь. Потоки дождя прогибались, меняли направления, горстями стали хлестать по стеклу, чередуя свои атаки с ветром. Захотелось хороший кофе. Нестерпимо. Почему-то он воспринял это желание как предтечу чьего-то действия: вот, я захотел и сейчас кто-нибудь немедленно принесет. Но никто не нес. Ни через секунду, ни через минуту, ни вообще...

Теперь стучат уже в дверь. Люди стучат, не ветер. Он метнулся к кровати, присел, внутренне сжавшись. Противное унижительное чувство испуга заметалось маленьким зверьком. Он, этот зверек, лишь последыш того монстра, что мог... Память встрепенулась и опять сникла. В темноте сознания, в ночи, только шли и шли какие-то механизированные колонны. Они – продолжение, они – щупальца, тянущиеся вперед, чтобы предотвратить беду. Но почему нет уважения и любви, а только недоверие и отвращение? Там, где был коридор прорыва и успеха, образовался тупик, грязь, кровь,

отчаяние...

За дверью вежливо пропел мягкий женский голос. Андрей не знал, что делать. Решил затаиться. Снаружи тоже все стихло, но уже меньше чем через минуту в замке вкрадчиво зашевелился ключ. Надо было закрыться изнутри, черт! А ключей и нет, их забрал Глеб. Очень опасный человек, может все, что угодно. За ним власть, деньги и убежденность, что они, то есть, Андрей и Солод, и сам Ронберг, связаны вместе пожизненно одной, как выразился Глеб однажды, «гагской веревкой взаимных обязательств и личной дружбы». Что он имел в виду, говоря так, не пояснил.

Тут же дверь открылась, перед Андреем возникла растерянная горничная, за ней стоял дородный мужик с сумкой, из которой торчали инструменты.

– Добрый вечер. Говорите по-английски? – улыбаясь, осведомилась горничная.

– Лучше по-немецки, – сам не ожидая от себя уверенно, «на автомате» ответил Андрей.

– Прекрасно. Я тоже говорю по-немецки. Постояльцы снизу жаловались на мокрый потолок у них в ванной. Может быть проблема с сантехникой в вашем номере, надо посмотреть, – сообщила горничная. – Нам показалось, что в номере никого нет... Если бы не угроза затопления, то...

– Мы ничего не заметили, но, пожалуйста, – согласился Андрей.

Он вспомнил про желание выпить кофе, к нему добави-

лось еще одно – скорее вырваться из четырех стен на воздух. Дождь и ветер не пугали: плащ при нем. Можно сначала прогуляться, а потом присесть где-нибудь в кафе.

– Я пойду в таком случае, пройдусь пока... – сказал он и, схватив плащ, в карманах которого было немного наличных (он даже точно не знал сколько), выскочил в двери. Успел заметить, что горничная кивнула и переглянулась с сантехником, наверно, подумав: эти странные русские, у них решение может быть любым – то сон под вечер, то прогулка под ветром и дождем.

Ветер холодный. Да еще швыряет горсти дождевых брызг не снаружи в окно, а уже прямо в лицо. Кафе попало на глаза почти сразу. Андрей с наслаждением тянул горячий американо, он почему-то попросил именно его. Вероятно, предпочтение из прошлой жизни. Быстрее бы прийти в себя окончательно. А если беспмятство продлится и дальше? И вообще... навсегда? Нет, так не должно случиться. Проблески же есть! И не было никакой физической травмы. Кроме пластической операции на лицо. Может, реакция на антибиотики? Врачи отрицают, что такое возможно. Ну, это понятно, они всегда не виноваты. Странная пластическая операция... Ему подправили разрез глаз, изменили форму носа, губ и чуть-чуть ушей. Зачем это нужно, друзья объяснили. Глеб сказал, что Андрей занимался бизнесом и был крупным руководителем. Они бежали, их ищут. Почему ищут, пока не стал объяснять подробно, ограничившись единственным

доводом, что некие влиятельные конкуренты хотели бы все ими заработанное заполучить себе, а против них сфабриковать дела. Сюжет примитивен, как в криминальном телесериале. Глеб пообещал, что постепенно будет раскрывать ему информацию о событиях, о нем самом, его жизни, об их отношениях, в общем – обо всем. Надо только не спешить, иначе может быть психологический коллапс. Еще желательно, чтобы все происходило органично: объяснения других и появление собственных воспоминаний.

Андрей заказал еще кофе и вдруг подумал, что Глеб повел его в больницу не столько из-за беспокойства за его здоровье, сколько из опасения как раз восстановления памяти. Ему, наверно, хочется выяснить, помнит ли он что-нибудь. Если нет, то можно с легкостью контролировать его жизнь целиком и не бояться нежелательных показаний, если их возьмут. С другой стороны, зачем ему, Глебу, тогда Андрей? Он может избавиться от него в любой момент. Но в том-то и дело, что, скорее всего, не хочет. Андрей ощущал это на сто процентов. Исчезнувшая память усилила интуицию. Так, наверно, надо для выживания. Какой же тогда все-таки резон держать рядом и возить за собой по миру больного? Статус из прошлой жизни? Но он утерян в связи с утратой лица и памяти. А если есть намерение восстановить этот самый прежний статус, когда будет нужно? Вот тогда да. Взять, например, да и вернуть на место прежнее лицо: заново нос сломать или снова расширить разрез глаз. Ох, лучше не думать пока

об этом!

Андрей решил, что не стоит сообщать о своих появляющихся воспоминаниях, в том числе последних. Лишь выздоровев полностью, можно принимать решение. Да, решение, конечно же, придет к нему с осознанием самого себя. Все произойдет естественно. Сейчас надо просто выжить, выжить и больше ничего. В этом вся задача. В клинике врач сказал, что проведет сеанс гипноза... Как бы ему объяснить, что никто не должен знать о том, что произойдет во время сеанса? Но ведь и врача наверняка как раз об этом спросят? Сопровождающим лицам он может все рассказать. Рассказать, да не все? Как он сможет убедить его поступить именно так: рассказать не все?

Пока вел диалог с самим собой, телящик сообщил, что мир стоит на пороге третьей мировой, что принципиально важно остановить массовое насилие в России, что виновные в коррупции и государственных преступлениях против человечности должны предстать и предстанут перед трибуналом в Гааге. Он смог отвлечься от своих размышлений, краем уха уловил контекст новостей, тут же вспомнил: «...связаны гаагской веревкой...» Так вот что такое «гаагская веревка»!.. Андрей едва не поперхнулся.

Возвращаться в отель не хотелось. Он вышел на улицу, поплелся, рассматривая витрины. В одной из них много интересных картин, в основном, видов Праги, сувениров, фигурок кукол, кошек и собак. Когда-то давно он мог интере-

соваться живописью... Странно.

Внезапно витрина ожила: за стеклом появилась женщина, она, чуть наклонясь, поправила одну из картин и на долю секунды взглянула на него. «Красивая»... – подумал Андрей. Светло-русые волосы заправлены за изящные, почти детские ушки, она нагнулась, прядь выпала, прикрыв почти половину лица. Когда поднялась, посмотрела на него в упор, пристально, взгляд карих глаз будто прожег, а потом сразу же обратилась к остальным картинам – ровно ли висят они. Глаза поразили: необыкновенная глубина. Андрею захотелось еще раз увидеть ее.

Он вошел в этот самый маленький магазин, где, как выяснилось, продавались работы местных художников и сувениры для гостей города. Женщины, которую он увидел в витрине, в помещении не было... За прилавком стояла другая. Андрей не спеша рассмотрел все предметы и картины, ожидая появления той самой, но она где-то скрывалась в недрах служебной части за небольшой перегородкой. Одно изображение осенней Праги показалось особенно интересным. Такой же ветер ворошил листву, наклонял деревья, а прохожие спешили по своим делам, продираясь сквозь непогоду. Им можно было, как ни странно, позавидовать, как и тем, настоящим, которые сейчас снаружи. Все эти люди знают, куда идут, их где-то ждут. Все просто. А что, если спешить некуда и незачем? Когда за спиной давящий плечи груз, который нельзя снять, вросший в тело и душу, ставший настоящим

на ростом на теле... Он гнет к земле, заставляет мучиться, но не позволяет понять, откуда это бремя, почему так произошло именно с ним.

Женщина за прилавком что-то спросила, наверно, желает ли он что-либо приобрести. Но она не имела таких глубоких карих глаз и пристального взгляда, человеческого, женского, в котором скрытая история и тайна, а еще любопытство. Он попытался говорить по-немецки, его не поняли, тогда по-английски, что... Как упросить ее пригласить коллегу выйти? Потому что та красивее и интереснее? Потому что хотел бы покупать товар именно у нее? Чувшь... Пояснил, что просто хочет задать вопрос той женщине, которую... только что видел в витрине.

И вот она появилась. Бог ты мой! Такое бывает? Андрей... обомлел. Сейчас он увидел, что эти русые волосы еще и чуть вьются, к вискам прижались тонкие полукольца, сквозь которые пробивается свет, и, кажется, что они, колечки волос, светятся сами. Крылья прямого тонкого носа чуть вздрагивают от дыхания. Ему показалось, что женщина немного взволнована или только что выполнила какую-то физическую работу. Шею скрывал зеленоватый платок. Она говорила по-английски, но и по-немецки тоже, что его особенно обрадовало. По-английски пришлось бы тяжелее объяснить и рассказать ей все, что он... чувствует.

– Вы хотите что-то купить? – спросила она. – Вот есть красивые куклы в чешском национальном наряде. Хорошая

память о Чехии и Праге.

– Мне нравится эта картина. Об одиночестве...

Женщина внимательно глянула на него, по-новому, не так, как несколько минут назад.

– А почему вы думаете, что она об одиночестве?

– Потому что ветер. Осенний ветер. Ветер бывает разный. Один приносит, другой уносит. Этот, что на картине, кажется, что уносит.

– У вас есть воображение. Вы из России, интересуетесь живописью?

– А как вы... Мне кажется, да.

– ?

– Я просто понял только сейчас.

Она покраснела. Она так покраснела! Назвала цену. Он полез в карман, нашел купюры. Крон, к счастью, хватило, не пришлось идти менять. Картину ему упаковывала другая дама, с иронией улыбаясь. Он смотрел на женщин и думал: как хочется просто стоять рядом с ними, слушая, как стучатся капли в витрину, и больше ничего. Ни-че-го! Он сказал светлорусой:

– Я зайду еще к вам.

– Пожалуйста. Для серьезного ознакомления лучше посетить Национальную галерею. Там потрясающие полотна и не только об одиночестве.

– Обязательно схожу. А вы там бываете?

– Я искусствовед, в галерее через день по контракту. Зав-

тра и дальше через день. Спросите Итку, я отвечу на все ваши вопросы.

– Точно на все?

– Ну... почти, – она засмеялась.

– И в воскресенье?

– В воскресенье галерея тоже работает. Как и у вас, наверно?

«Что у нас теперь работает, это большой вопрос» ... – подумал он, поблагодарил, взял упакованную картину и – на улицу, в отель.

Милая женщина. Милая. Как бы хотелось просто еще раз вдохнуть тонкий аромат ее парфюма и говорить с ней. Ни о чем.

* * *

Когда Андрей вернулся, его друзья уже были в номере в сумасшедшем напряжении. Они почти уверовали, что Дашкевич сбежал.

– Куда я денусь без денег и документов? – пытался оправдаться он.

Солод развел руками:

– А кто тебя знает! Может сдаваться решил? Не помнишь ничего, вот и не понимаешь, что сдаваться нельзя. Весь мир ждет, когда тебя повяжут. Просили: посиди в номере. Взял и ушел! Где был?

– Вот картину купил, в кафе посидел. Тут еще сантехнику проверяли. Говорят, что соседи снизу жаловались, что прежние гости из этого номера их топили. Я и ушел. Чего сидеть-то здесь?

Солод нервно засмеялся:

– Андрюха, ты – чудо! Ты вообще другой стал, ты понимаешь? Волк потерял память и стал овцой. Если бы сам в полном сознании мог видеть себя со стороны сейчас, о-о-очень бы удивился. Нас могли посетить не случайно, остаться надо было, и посмотреть за их действиями.

– Я все понимал.

– Понимал?

– Конечно.

– И все равно ушел?

– Мне захотелось кофе...

Солод переглянулся с Ронбергом, тот задержал на Андрее многозначительный взгляд, но промолчал, потом обратился к Солоду:

– Завтра по будильнику встаем.

Никто картиной особо не заинтересовался, Андрей установил ее на стол, приставив к стенке. Ронберг засобирился к себе и, уходя, спросил:

– Насколько я понимаю, как мы сходили, тебе тоже неинтересно?

– Почему, интересно. Что-то удалось решить?

– Удалось, – Ронберг показал на сумку. – Все там. Сняли

под ноль и закрыли счет. Твоя доля там тоже.

В этот момент Солод перекидывал одежду из чемодана, и на пол упала фотография. Ронберг поднял ее:

– Это что такое?

– Мы в Таджикистане. Важные переговоры. Сам и... вот – я. На Шварца похож, да? Темные очки, пистоль за штанами.

– Зачем таскаешь?

– Так я ж не похож на того. Моложе был.

– Витя, сожги, попрощайся со своим прошлым, порыдай, если желаешь, и сожги. Прямо сейчас.

После ухода Ронберга, Виктор еще долго разглядывал фотографию. Это единственная вещь, что осталась у него из той жизни, в которую уже никогда не вернуться. Там все было красиво, потому что птицей несла головокружительная власть, такие возможности, которые поднимали в небо выше всякого Олимпа, на крыльях из того самого сплава, который не берется ничем... И наглость! Какая же была здоровая, великая, беспредельная наглость, предлагающая вызов всем и вся! И целая страна лежала у ног. Сколько настоящих пацанов прикрывали его тогда широкими спинами, ладони у этих мастодонтов не знали мозолей от лопаты, зато руки обладали фантастической силой, а сердца не боялись смерти. Таких людей победить в принципе невозможно. Невозможно. Он готов это говорить всякий раз. И сейчас кровью подпишется под этим утверждением. Только вот... Можно за-

пугать одного, десяток, сто, даже тысячу слабых, миллионы можно. Когда же враг, который как будто бы и слабее, вдруг перестает бояться и готов идти до конца, встает как один, побеждает при этом не самый искусный, сильный, а... правый. Он это понимает, он, между прочим, не дурак и не конченный ублюдок, как думает иногда Ронберг.

Андрей же в этот момент (стыдно признаться) размышлял совсем в другом направлении: как увидеть ту самую, кареглазую. Она из какого-то особого мира. Даже странно, что эти миры, Ее и тот, в котором живет он сам, сосуществуют на одной планете. В этот момент... резанула память сцена... как на спор с учительницей поставил задачу съесть двадцать пирожных. Съел только пятнадцать. Всегда хотел доказать, что целеустремлен, и что у него есть воля, хотя и ростом маловат, и сублильный на вид. В его дворе законы были дикими. Для слабака – не сахар. Приходилось брать упрямым характером. Стоп! Он начинает вспоминать! Как жаль, что память не движется строго линейно, а только выхватывает какие-то куски из разных периодов. И вот еще сомнение. Вместе с этими образами появлялись какие-то другие. Много детей, воспитатели. То ли детский сад, то ли детский дом... И пыльная деревенская улица. При чем тут деревня? Он покосился на Солода, ничего не сказал. Как и решил. Пока ни слова. Иначе...

С одной стороны в жизни Итки, в общем-то, ничего особенного и не произошло. Подумаешь, покупатель сделал завуалированный комплимент. Приятно и не более. Немолодой, невысокий, лысоватый. И старше ее лет на пятнадцать. А вот Марек! И моложе, и интереснее: небрежный шарф вокруг шеи, кроссовки, бейсболка, длинные темные волосы, прихваченные в хвост, острый, ироничный взгляд. Все именно так. Все, как она любит и как должно быть. Нет, правда, мелочей: интриги, чувственности, глубины... Их-то ей как раз и не хватает... Марек – сама простота и непосредственность. Возмутительно когда-то раньше, а теперь, увы, почти привычно для нее пьет пиво и (представьте себе) громко отрыгивает. Не поднимая головы, часами играет в компьютерные игры и предпочитает менять работу трижды в год. О ней особо не заботится и даже не интересуется ее здоровьем, иногда кажется, просто равнодушно пользуется ею. Главное – ему совсем не хочется ни семьи, ни детей. О жизни рассуждает как о наборе простых инструментов, необходимых для сиюминутного времяпровождения. Последнее место работы – программист в рекламной компании, которое она помогла найти, тоже собирается оставить. Считает, что расходится концептуально с директором, который его не понимает и строит козни.

Вообще, возникает иногда страшное чувство, что жизнь вот такая и есть, какой ее представляет легкий на подъем бойфренд, пустая обертка от конфеты, которую уже съели... Или той самой конфеты, настоящего чувства, в действительности никогда и не было?! В одном хорош бесспорно – выносив в сексе. И на этом точка. Тут уж ничего не убавить не прибавить... Нет, добавить кое-что все же надо! Свободен внутренне – не будет ревновать, устраивать унижительных сцен. Есть и еще одна важная черта: иногда бывает довольно щедр. Правда, такое случается крайне редко.

А вот сегодняшней покупатель картины отличается. Напомнил ей другого русского мужчину, которого она когда-то давно встречала в отеле в Египте, она была с бывшим мужем тогда. И он с женой. Так случилось, что они стали парой во время игры «Мисс и Мистер Отель». Сама выбрала его в пару (тоже светловолосого, только веселее). Он, то смущался (когда ему ведущий засунул теннисный мячик в брюки, а она протаскивала его как булавку из одной штанины в другую наперегонки с другими парами), то вдруг кокетничал, и даже выпендривался на силовых конкурсах, демонстрируя свои бицепсы. Изю всех сил пытался понравиться не разогретой веселой публике, а именно ей, Итке, и был органичным в этом стремлении как ребенок. Их пара одержала победу в игровом марафоне, а потом несколько дней они весело перемигивались между собой на пляже и в ресторане. Итка подумала, что при каких-нибудь других обстоятельствах,

возможно, мог бы завязаться и роман...

Только что же объединяет веселого того и грустного этого? Вопрос на засыпку. Но у нее появилось предположение, не бесспорное, требующее проверки. Это струна. Натянутая струна у того и у другого через душу. Ей так показалось. Будто невидимый настройщик натягивает их, чтобы потом проверить, как звучат. Они для какой-то особой музыки, непростой. Такой струны нет в сердце у того, кто преспокойно спит, встав, мимолетно решает какие-то деловые вопросы, беззаботно с аппетитом поедает гамбургеры на ночь, вытирая губы руками, и ничего не желает знать, кроме сиюминутных утех.

У этого русского, который купил картину, глаза отрешенные и грустные с изумрудным отливом, в уголках губ спрятана и нежная улыбка, и жестокая решимость. Вот она, струна, готовая зазвучать, нерассказанная история, следы пережитого душевного и физического труда. Может флюиды, может наивная фантазия, бог знает, что... Ее влечение к нему другое.

Итка, как искусствовед, специализируется на живописи. Ей нравится исследовать, как в картинах художников менялось представление человека о мире с его суетой и вечными страстями. Она задумала написать научную работу на эту тему. Ей кажется, она готова привнести нечто новое. Пока, правда, только кажется. Свои аргументы еще предстояло привести.

Как хочется при этом, чтобы об успехе и признании дочери узнала мама! Отец ушел из жизни, когда ей было двадцать. Мама – домохозяйка с солидным стажем, всегда относилась к ней снисходительно, почему-то считала, что успех и признание – удел других. А Итка лишь вечный ребенок, слабое, наивное существо, которое не может ничего открыть. Какие истины существуют для дочери и при этом не известны ее матери? Побойтесь бога, господа, не смешите старую женщину! Так она, наверно, думает всегда в таких случаях.

Другое дело был папа.

Вот он как раз видел в ней взрослого мыслящего человека, который еще задаст жару, еще узнает тайны тайн и раскроет их всем на удивление. Папа был очень образованным человеком, исследователем от Бога, палеонтологом.

Он всегда говорил, что мир во многом не такой, каким мы его знаем. Еще многое предстоит выяснить, проанализировать, осознать.

Мир огромен.

В его уголках – неизведанное.

А стержень его, основа, так и не понята.

«Обидно», – часто произносил по этому поводу отец, потому что понимал, что на его веку все так и останется примитивным и извращенным.

Хоть и считал себя атеистом, но верил в Высший Разум и в то, что все не зря: наше мышление, поступки, любовь,

ненависть.

Что есть закон причины и следствия, и что информация была и никуда не исчезает, концентрируясь в некой линзе или матрице.

Что миры и измерения многочисленны и взаимно проникают. Когда умирал, сказал, что даст о себе знать так, что она сама поймет.

Только Небо молчит...

Или пока не распознала его сигналы?

На следующий день работала в музее. Посетителей много, и забот тоже. Хлопотала по организации выставки Тициана. Всегда стремилась относиться к работе творчески, чтобы развиваться, да и вообще, чтобы не скучать. Но этот день оказался просто мучительным. Ожидание извело. Не хотела обсуждать с собой его причину, смысл. Даже отказывалась формулировать свое чувство как ожидание. Но что это, извините, тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.